

Виноградова В. В.

АВТОРСКИЙ НИГИЛИЗМ ЭПОХИ ДЕКАДАНСА В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ МАЛОЙ ПРОЗЫ М. П. АРЦЫБАШЕВА)

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/1-1/15.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (20): в 2-х ч. Ч. I. С. 42-44. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

АВТОРСКИЙ НИГИЛИЗМ ЭПОХИ ДЕКАДАНСА В РОССИИ
(НА ПРИМЕРЕ МАЛОЙ ПРОЗЫ М. П. АРЦЫБАШЕВА)

Виноградова В. В.

Волжский институт педагогики, экономики и права, г. Волжский

Как правило, культурологи рассматривают понятие «декаданс» с двух точек зрения: в широком смысле под декадансом понимают кризис и упадок культур и народов (латинский декаданс); в более узком значении этот термин применяют для обозначения кризисных проявлений в обществе и искусстве на рубеже XIX - XX веков.

М. Нордау в своей книге «Вырождение» (1893) одним из первых подверг серьезному, хотя и тенденциозно позитивистскому, анализу это явление и начал борьбу с болезнью «вырождения»¹. М. Нордау определил декаданс как патологическое состояние, не противоречащее наличию таланта или даже гениальности. Появление патологии в искусстве второй половины XIX века он считал симптоматичным для социальной болезни, получившей во Франции (а затем и во всех других цивилизованных странах) название психологии *fin de siècle* (конец века), имеющей ярко выраженные симптомы: нездоровая нервозность, моральный кретинизм, состояния депрессии и экзальтации, мистицизм, ребячливость, атавизм, интеллект, ослабленный настолько, что уже не способен мыслить причинно - следственными категориями, крайний субъективизм, порой переходящий в самовлюбленность, сочетающуюся с тенденцией объединения в группы и шайки.

Утверждение декадентских настроений в Европе хронологически совпало с таким понятием в истории мировой культуры, как рубеж веков, который всегда воспринимался как особый период, концентрирующий в себе успехи и поражения, достижения и просчеты, старое и новое. Этот особый этап в социокультурной ситуации явился переломным моментом в истории европейского искусства, когда все отчетливее дает о себе знать ощущение исчерпанности старых художественных форм, когда ставится под сомнение традиционное понимание прекрасного, когда начинают колебаться основы художественного мироощущения. Именно на рубеже веков возникают различные учения (религиозные, философские, эстетические), пронизанные эсхатологием и отрицанием самого общества. Декадентское мироощущение проникло в самые различные виды творческого самовыражения: в первую очередь, это словесность — проза Ж. К. Гюисманса, Г. Д'Аннунцио, поэзия А. Саймоне, Э. Даусона, Л. Джонсона, новый театр О. Уайльда и новая философия Ф. Ницше. Согласно Ф. Ницше, Сократа, Ветхого Завета и особенно в христианский период начался декаданс культуры и человечества, который достиг к его времени апогея, выразившись в полном кризисе культуры и смертельной болезни человечества, сделавшего своими идеалами нигилизм, господство «стадного человека», массовое сознание, ложь в философии и морали. Слово «нигилизм» было впервые употреблено философом Ф. Г. Якоби, после выхода в России романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева оно стало крылатым. В общем (обыденном) понимании (и в России, и на Западе) под нигилизмом понималось резко отрицательное (негативное) отношение к различным (нередко ко всем) сторонам общественной жизни. Помимо этого для правоверных нигилистов существовало только то, что доступно чувственному восприятию (собственному опыту) — все прочее — от лукавого («позиция абсолютного отрицания»). Художников начинает интересовать не личность, существующая в рамках идеи, а личность, полная глубинных, зачастую низменных инстинктов, которые неожиданно проявляются в человеке, подавляя в нем разумное начало.

Эпоха конца XIX — начала XX веков является значимой вехой в истории русской культуры. В художественной культуре этот период отмечен мировоззренческим кризисом. В русской декадентской литературе ницшеанская струя знаменовала известный подъем активности: пессимизм, мотивы отчаяния, гибели, и т. п. Амориализм Ницше, сочетаясь с влияниями Бодлера и Уайльда принимает черты любования «цветами зла», «дионисийство» Ницше воспринимается как эмансипация страстей и темных инстинктов, как освобождение плоти, культ радости (К. Бальмонт, лирика Д. Мережковского и др.) Лучшее определение ницшеовского нигилизма дал, на наш взгляд, Н. А. Бердяев: «Нигилизм... есть восстание против неправды истории, против лжи цивилизации, требование, чтобы история кончилась и началась совершенно новая, внеисторическая или сверхисторическая жизнь. Нигилизм есть требование оголения, совлечения с себя всех культурных покровов, превращение в ничто всех исторических традиций, эмансипация натурального человека, на которого не будет более налагаться никаких оков» [3: 89]. В этическом учении декадентов проявилось характерное сочетание философского пессимизма и нигилизма с мечтой о сильном человеке — индивидуалисте типа «сверхчеловека» Ницше. Нигилизм, по мнению Ницше, представляет собой крайнюю (осмысленную и продуманную) степень развития пессимизма (здесь философ, как уже отмечалось, оглядывается, в первую очередь, на Шопенгауэра²) и декаданса (упадка, «испорченности», «истощения») [5, I: 62].

Если доминантой западной литературы 1890-х годов было увлечение Ф. Ницше и эстетико — гедонически

¹ «Наряду с нравственным помешательством и легкой возбудимостью вырождение характеризуется также состоянием душевного бессилия и унынием, проявляющимся, смотря по обстоятельствам, в виде пессимизма, неопределенной боязни людей и всего на свете или отвращения к самому себе» (М. Нордау. Современные французы. - М., 1995. - С. 104).

² А. Шопенгауэр (1788-1860 гг.) создал нигилистически окрашенную теорию-доктрину «буддийского безразличия мира». Шопенгауэр был первым европейским философом, предложившим этику абсолютного миро- и жизнеотрицания, что отражено в изобретенном самим мыслителем для определения сути своего учения термине «пессимизм», выражающем негативное отношение к жизни, в которой невозможно счастье, торжествует зло и бессмыслица.

истолкованной античностью, то оборотной — была тяга к А. Шопенгауэру¹, к буддизму. Ранние русские декаденты (В. Брюсов, Ф. Сологуб, Д. Мережковский, З. Гиппиус и другие) демонстративно заявили о разрыве всяких связей искусства с реальной действительностью. Особенно уместной становилась проповедь адамизма, звериности, жестокости, призывы к первичным инстинктам, восхваления бездумной удали, действия, не парализуемого рефлексией, что особенно остро отразилось в творчестве М. П. Арцыбашева. Современные историки литературы, анализируя литературный процесс на рубеже XX веков, традиционно ставят имена Ф. Ницше и М. Арцыбашева рядом. Главными мотивами творчества М. Арцыбашева становятся проповедь анархического индивидуализма, нигилизма, призыв к свободе от социальных обязанностей во имя эгоистического пользования жизнью, культ эротических наслаждений. Писателя, как и многих его современников, сближало с Ницше увлечение античностью, в частности подход к пониманию дионисовой религии. По утверждению Ницше, чары Диониса «не только возрождают союз человека с человеком, тут сама отчужденная от него, враждебная ему или поработанная им природа снова празднует примирение со своим блудным сыном человеком. Тут раб становится свободным, тут исчезают неподвижные враждебные границы, проложенные между людьми <...> Тут при благословении мировой гармонии каждый чувствует себя не только соединенным и примиренным со своим ближним, но слитым с ним воедино» [5, I: 70].

Находясь на позициях крайнего индивидуализма, М. Арцыбашев отмечает, что дороже всего ему собственное место, подчеркивая, что свет велик достаточно, чтобы один человек не мешал другому сделать то, что он хочет и может. «Манифест» его индивидуализма очень созвучен ницшеанскому. М. Арцыбашев радуется за то, чтобы каждый человек стремился быть господином жизни и не удовлетворялся скромной участью раба. «Что нам до того, - писал он, - что когда-то какой-то блаженный Иван Иванович будет ходить в голубых одеждах и обмахиваться пальмовой веткой всеобщего благополучия? ...Да будь он проклят, этот счастливый человек будущего!» [1: 723]. Перестройка жанровой системы литературы начала века подтверждает стремление к максимальному подчинению художественного материала воле автора. Реалистические произведения конца XIX века подчинены стремлению писателя демонстративно вмешаться в созданную им жизнь.

Творчеству М. Арцыбашева свойственна полемичность по отношению к достижениям русской литературы XIX века. Это касается как его малой прозы (повестей, рассказов, новелл), так и больших эпических произведений, романов «Санин», «У последней черты».

Главные мотивы творчества М. Арцыбашева – проповедь анархического индивидуализма, призыв к освобождению от всех социальных обязанностей во имя эгоистического пользования жизнью, культ эротических наслаждений.

В его произведениях художественная реальность насколько возможно драматична, в ней пересекаются как реалистические образы и гедонистические мотивы, так и предельно жизненные характеры. Реалистическая образность у М. Арцыбашева субъективирована, мир во многом раскрывается через призмы психологического восприятия у героев, иногда противоположного.

Революционные фабулы М. Арцыбашев искусственно разбавляет своими излюбленными темами убийств, самоубийств, причем акцент большей частью ставится не на причинах или самом факте убийства или расстрела, а на последствиях уничтожения человека. Образ расстрелянного «у стены», «на белом снегу», с раскинутыми руками, устремленными в синее небо остекленевшими глазами, обозначает «бессмысленность» человеческого существования на фоне прекрасной, творящей природы. Данное противоречие между «человеком» и «природой» еще более усугубляются проблемой уничтожения человека, его смертью. М. Арцыбашев описывает преимущественно не человеческую жизнь, а процесс умирания, с мельчайшими деталями до последнего вздоха, содрогания, конвульсии. Почти через все арцыбашевские произведения проходит образ чахоточного («Бунт», «Смерть Ланде», «Санин»). Живые герои охотно представляют себя в могиле «с прогнившим лицом, с телом, наполненным червями, медленно и омерзительно копошащимися в разлагающемся месиве под позеленевшим, сырым и жирным мундиром». Писатель много говорит о «слизи и гнили», о «сладком смраде, идущем от трупа», о «ядовитой смердящей сладости»: «Обнажилось огромное, вздутое, все покрытое язвами и обмотанное бинтами тело. Нудный сладковатый запах разложения тонкой струей потянулся в холодном воздухе палаты» [2, I: 37].

В рассказах и новеллах М. Арцыбашев постоянно возвращается к проблеме суицида. Многие герои его произведений ненавидят жизнь, кончают с собой, бросая вызов своему существованию («Тени утра», «Смех», «Подпрапорщик Гололобов»).

Жизнь, реальность автор почти всегда описывает с отвращением, ненавистью и неприятием. В своих произведениях он не раз задумывается о смысле жизни, но не всегда находит его. В само понятие бытия М. Арцыбашев включает в первую очередь страдание, унижение, зависимость от других людей, от общества (рассказ «Счастье» с героиней – проституткой Сашкой). Если же жизнь вдруг предстает перед героем удивительно прекрасной, волшебной, то тут же перед ним встает неизбежность смерти. В описаниях насилия прослеживается беспристрастие, натурализм, то есть автор не вмешивается в подобные сцены, предоставляя читателю возможность во всем разобраться самому. В насилии М. Арцыбашев видит прежде всего ужас (по-

¹ А. Шопенгауэр выдвинул положения о «теоретическом эгоизме», развенчал «обыкновенного человека», противопоставив ему «гения» (творца искусства, высшим видом которого является музыка), о бессмысленности и страдательности жизни, о дихотомии «утверждения воли к жизни» и «отрицания воли к жизни».

весть «Ужас»), озлобленность на общество или на систему (рассказы «Паша Туманов», «Из подвала»). Мир, в котором живет человек, основан, по его словам, на взаимоистреблении всего живущего, и «единственный закон вечен и общ — закон борьбы за существование, <...> нельзя двигаться иначе как в плоскости его» [1: 691].

В повести «Смерть Ланде» М. Арцыбашев переходит от тем, связанных с алкогольным бредом и половыми извращениями, к изображению антихристианских мотивов, граничащих с богохульством. Здесь автор предпринимает попытку открытой полемики с христианством¹. Избранная им для этого форма — сложное переплетение литературных, евангельских, житийных традиций изображения человека, живущего по христианским канонам. Наиболее мощный слой, формирующий идейную основу повести — евангельский текст. Иван Ланде словно повторяет жизненный путь Христа: проповедует, пытается исцелять (хотя бы душевные муки), проходит через горнило страданий, сомнений, подвергается искушениям, а в финале произведения обретает свою Голгофу, «положив .... душу за други своя» [2, II: 163].

Таким образом, нигилистические аспекты идейного наследия Ницше оказали значимое влияние на авторскую концепцию художественного образа М. П. Арцыбашева. Писатель отличался стремлением философски осмыслить происходящие в мире процессы и положение в нем человека. Он проявлял повышенный интерес к философским теориям конца XIX века о сущности и предназначении человека, отрицавших аскетические и утопические идеи его бытия.

Список литературы

1. Арцыбашев М. П. Записки писателя // Арцыбашев М. П. Собр. соч.: В 3 т. - М., 1994. - Т. 3. - С. 675-760.
2. Арцыбашев М. П. Собрание сочинений: В 3 т. - М.: Терра, 1994.
3. Бердяев Н. А. Декадентство и мистический реализм // Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции: Статьи по общественной и религиозной психологии (1907-1909). - СПб.: Общественная польза, 1910.
4. Бердяев Н. А. Философия свободы: смысл творчества. - М., 1989. - С. 204, 229.
5. Ницше Ф. Соч.: В 2 т. - М., 1990.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИЛОСОФСКОГО ПОНЯТИЯ «НРАВСТВЕННОСТЬ» В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Воскресенская Е. В.

Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики

Правовые нормы, основанные на неоднозначных понятиях, или содержащие философские категории, всегда крайне сложны для применения. Такие нормы являются предпосылкой для разных подходов к их толкованию, как в юридической литературе, так и в правоприменительной практике. Указанная проблема обостряется многократно, когда не вполне ясные понятия делаются еще более неясными вследствие спорности структуры юридической нормы. Статья 169 ГК РФ является хорошим примером сказанному. Статья выделяет особо опасную для общества группу недействительных сделок, противоречащих основам правопорядка и нравственности, признает такие сделки ничтожными и определяет их последствия, которые носят конфискационный характер. На практике и в теории такие сделки именуются антисоциальными. При правоприменении известные трудности представляет толкование и понимание термина «основы правопорядка» ввиду отсутствия по этому вопросу решений высших судебных инстанций, а о неправомерном понятии «нравственность» не приходится и говорить.

Безнравственность противозаконна? Вопрос этот не только теоретический. По мнению Н. Д. Шестаковой для признания ее недействительной на основании ст. 169 ГК РФ достаточно лишь, чтобы один из участников сделки преследовал цель, противную основам правопорядка или нравственности. Такого же мнения придерживается О. В. Гутников. Напротив, М. В. Кротов полагает, что ст. 169 ГК РФ формулирует квалифицированный состав недействительной сделки: для признания сделки недействительной на основании ст. 169 ГК РФ необходимо установить не только ее совершение с целью, противной основам правопорядка или нравственности, но и противоречие сделки требованиям закона или иных правовых актов.

Если следовать первой из приведенных точек зрения, то сфера применения ст. 169 ГК РФ окажется практически безграничной. Появится возможность, например, оспорить договор купли-продажи охотничьего ружья, приобретенного с целью браконьерства, или договор купли-продажи инструмента, приобретенного с целью совершения кражи со взломом. Кроме того, появится возможность оспаривать сделки, являющиеся элементом общего противоправного поведения налогоплательщика, связанного, например, с уклонением от уплаты налогов.

¹ Сравним у Ф. Ницше: "Бог умер! Бог умер навсегда! И убили его — мы! Как найти нам утешение — нам, убийцам из убийц! То самое светлое, самое могущественное, что было в мире, истекло кровью под нашими ножами — кто смочит эту кровь с наших рук? ... Не слишком ли велика для нас ноша этого великого деяния? Быть может, мы сами должны обратиться в богов, дабы оказаться достойным содеянного?" [5, II: 140].